Хотя на Новый год и полагалось ходить с поздравлениями, всё же никто не становился у чужих ворот и не говорил прямо, во весь рот: «Я пришёл поздравить». Но Сун Цинфэн именно так и сказал, а сказав, ещё и вытянул вперёд то, что держал в руке. Это была свиная нога, перевязанная соломенной верёвкой. Копчение придало ей тёмно-красный оттенок, цвет был красивый, жира и мяса в самый раз; если вынести такую продавать, как ни считай, без одного-двух цяней не обошлось бы.

Ло Цинчжу крепко нахмурился, поднял руку, подтолкнул копчёную свиную ногу обратно и сухо рассмеялся:

— Пришёл - и хорошо, зачем ещё вещи принёс? Подарок слишком тяжёлый, забери обратно.

Линь Синь-нян тоже поднялась и, идя вперёд, сказала:

— Верно-верно! Как же нам такое принять! В прошлый раз ты помог нашей семье, это мы должны были дарить тебе подарки, как можно позволить тебе тратиться! Мясник Сун, забери назад, такая красивая свиная нога, отнеси домой и сам ешь!

Когда и мать, и сын говорили так, Сун Цинфэн стал ещё более неуклюжим на язык и совсем не знал, что ещё сказать.

— Но… я… я ведь уже принёс…

Он опустил голову, голос становился всё тише и тише, настроение явно упало. Такой огромный человек, а говорил будто комар жужжит. Если бы Ло Цинчжу не стоял близко, боюсь, и не расслышал бы. Только сказав это, Сун Цинфэн прямо поставил копчёную свиную ногу у бамбуковых ворот, и смысл его действий был словно такой: хотите вы её или нет, я всё равно забирать не буду.

Ло Цинчжу помедлил немного, а потом тихо сказал:

— Подожди меня немного.

Сказав это, он повернулся и вошёл на кухню. Вскоре он вышел, неся тяжёлую бамбуковую корзину. В корзине лежали две полосы вяленого мяса, связка колбас и целая корзинка жареной хрустящей свинины; всё вместе, как ни считай, набиралось цзиней семь-восемь. Тяжелее, чем свиная нога, которую принёс Сун Цинфэн. Ло Цинчжу подошёл вперёд, протянул ему вещи и выдавил на лицо пристойную улыбку.

— Вещи я принимаю. Это вяленое мясо и колбасы, которые коптила наша семья. Ты тоже возьми домой, попробуй.

Когда другие семьи обмениваются подарками, это обычная вежливость: подарок требует

ответного подарка. Но Сун Цинфэн почему-то почувствовал, что Ло Цинчжу не хочет оставаться у него в долгу и старается провести между ними ясную черту. На сердце у Сун Цинфэна стало нехорошо. Он не протянул руку, чтобы взять корзину, только с каменным лицом притворился, будто не слышит.

Лишь когда Ло Цинчжу стало тяжело и он перехватил корзину уже двумя руками, Сун Цинфэн наконец больше не смог притворяться и взял её.

— Я… — начал Сун Цинфэн.

Но едва он успел произнести одно слово, Ло Цинчжу снова вовремя перебил:

— Мясник Сун давно не возвращался в деревню, верно? Деревня всё же немного изменилась. Может, я пройдусь с тобой?

Сун Цинфэн снова проглотил свои слова и глухо кивнул. Они вышли один за другим, между ними оставалось расстояние в двух человек.

— Эй!

Линь Синь-нян почувствовала, что это не слишком уместно. Её гэр только недавно развёлся, а теперь в такое время выходит с холостым мужчиной бродить по деревне; если это увидят те длинноязыкие бабы, ещё неизвестно, что они начнут болтать!

Но Ло Цинчжу, хоть и выглядел мягким и изящным, на самом деле тоже был упрямцем. Раз уж он что-то решил, другие никак не могли его переубедить. Она вздохнула, подняла копчёную свиную ногу, оставленную на земле, и с кривой улыбкой сказала Цуй Ланьфан:

— Ладно уж, зато свиная нога досталась! Сегодня вечером потушим и съедим, потом и вам отнесём, попробуете!

Цуй Ланьфан тоже была человеком с опытом; увидев Сун Цинфэна несколько раз, она быстро поняла его мысли. Она посмотрела на Линь Синь-нян, словно хотела что-то сказать, но не решалась:

— Этот мясник Сун…

Линь Синь-нян покачала головой и только сказала:

— У детей и внуков своё счастье. Их собственные дела - пусть сами и возятся.

Цуй Ланьфан, услышав это, тоже кивнула.

Зелёные горы, как и прежде, молчали, но утренний иней, ещё недавно лежавший на них, уже побледнел; смутно виднелись редкие пятна зелени - старые деревья, которые даже глубокой зимой упрямо тянулись живым цветом.

Ло Цинчжу и Сун Цинфэн шли вдоль реки. Зимний тростник всё ещё рос густо, но его метёлки уже не были чисто-белыми, как вначале, а отдавали выцветшей, пожухлой желтизной. Несколько детей вместе присели на речной отмели и собирали красивые камешки. Пальцы у них от холода покраснели и распухли, но они будто совсем не боялись стужи, всё хихикали и смеялись, время от времени зачерпывали воду и плескали друг в друга. Среди них был один ребёнок ниже остальных, худенький и слабый. Ему плеснули в лицо ледяной речной водой; капли потекли по подбородку и забрались под одежду, сразу промочив ворот. Малыш не мог переиграть остальных, да ещё и от ледяной речной воды весь вздрогнул; губы у него невольно начали кривиться.

Эти дети, впрочем, делали это не нарочно, просто разыгрались до дикости и на какое-то время перестали понимать меру. Ло Цинчжу быстрыми шагами подошёл к ним. Сначала одной рукой подхватил самого озорного мальчишку, который уже пробовал наступить на камни в реке, потом поднял и того ребёнка, у которого промокла одежда.

Он нарочно сделал лицо строгим и, притворившись грозным, сказал:

— Вы чьи дети? В такую холодную погоду пришли играть с водой! Река такая глубокая, такая опасная, взрослые дома вас не учили?

Мальчишка, которого держали на весу, видимо, почувствовал, что ему неудобно давит шею, и недовольно задрыгал ногами. Ребёнку было примерно шесть лет; за зиму он нагулял жирок, да ещё одет был плотно, отчего выглядел круглым и толстым. Когда он начал вырываться, Ло Цинчжу едва удержал его.

К счастью, Сун Цинфэн одним шагом подошёл и забрал ребёнка из рук Ло Цинчжу. Ло Цинчжу только притворялся грозным, а вот он был по-настоящему грозен: высокий, крупный, тело твёрдое словно камень, и без того не слишком доброжелательное лицо похолодело, так что он выглядел так, будто мог съесть ребёнка.

Он ещё и сердито прикрикнул:

— Ещё будешь дёргаться - отшлёпаю.

Мальчишка перестал сучить ногами, губы у него скривились, и он с громким «уа-а» разрыдался - испугался до слёз. Ло Цинчжу как раз сидел на корточках рядом с другим ребёнком, вытирал рукавом воду с его лица и тихо уговаривал обиженного, готового заплакать малыша. Только он успел успокоить одного, как в следующую же секунду у самого уха

раздался пронзительный, резкий плач, словно скрежет разбитого гонга.

Ло Цинчжу повернул голову и сказал, наполовину строго, наполовину мягко:

— Всё, не плачь. Ты знаешь, как опасно было сейчас? А если бы камень шатнулся? Если бы нога соскользнула и ты упал в реку? К тому же сейчас так холодно, речная вода ещё холоднее, утром на ней даже тонкий лёд был. Посмотрите на свои руки - все замёрзли, покраснели! В Новый год заболеть разве хорошо?

Последние несколько фраз он говорил уже всем детям. Сказав, ещё похлопал их по спинам и продолжил:

— Ну всё, идите по домам. Чьи дети играют у реки? В реке водяные духи есть: чёрные-чёрные, всё тело обмотано вонючей тиной, рот вот такой большой! Когти вот такие длинные! Больше всего они любят есть таких нежных маленьких детей, как вы: одним глотком - одного, и костей не выплёвывают! Кусают раз за разом, перемалывают и всё проглатывают!

Ло Цинчжу сидел на корточках, говорил и одновременно показывал руками, время от времени ещё широко раскрывал глаза, рассказывая так живо, будто всё происходило на самом деле. Эти слова наконец-то напугали мелких сорванцов. Теперь, глядя на Сун Цинфэна, они уже считали его не таким страшным: куда страшнее были речные водяные духи.

Мальчишки с визгом замахали руками и побежали домой. Ло Цинчжу хлопнул ладонями, стряхивая пыль, и поднялся. На лице у него всё ещё была улыбка. Сун Цинфэн всё это время молча смотрел на него; его ледяное лицо словно наполовину оттаяло и уже не казалось таким пугающим.

Он сказал:

— Ты всё такой же, как в детстве. Сердце доброе: увидишь, что ребёнка обижают, и сразу идёшь помочь.

Ло Цинчжу улыбнулся и сказал ему:

— Это ты тогда был ребёнком, а не я.

Сказав это, он немного помолчал и продолжил:

— Помню, тебе тогда было восемь или девять лет? Ты подрался с ровесниками, тебя случайно столкнули в реку, дети испугались и убежали, а ты один барахтался в воде. Это ведь я вытащил тебя. …Ты тогда не умел плавать, верно? Уже потом научился?

Плавал Ло Цинчжу тоже не сказать, чтобы очень хорошо; тогда он просто рефлекторно подумал сперва спасти человека, и, к счастью, вода на мелководье была неглубокой. Но Ло Цинчжу всё равно сильно испугался. Он ещё боялся, что, если об этом узнает мать, его будут ругать, да и матушку заставит тревожиться, поэтому тогда попросил Сун Цинфэна никому об этом не рассказывать.

Сун Цинфэн сначала кивнул, потом, помолчав немного, сухо произнёс:

— Я не маленький.

Ло Цинчжу тихо рассмеялся. Голос у него был лёгкий, мягкий, словно нежный зелёный лист бамбука, подхваченный ветром, медленно опустился на воду и пустил по ней тонкие круги ряби.

Видя, что они вот-вот дойдут до конца деревни, и уже издалека можно было разглядеть старый дом семьи Сун, Ло Цинчжу остановился и больше не пошёл вперёд.

Он посмотрел на Сун Цинфэна и сказал:

— Мясник Сун, этот подарок слишком тяжёлый. В будущем больше так не дари. В детстве я однажды спас тебя, теперь ты отплатил мне тем же. Если говорить так, это и правда судьба. Но я гэр, который уже разводился, а ты ещё молод и не женился. Нам лучше поменьше общаться.

Сун Цинфэн всю дорогу шёл, опустив голову, смотрел на носки собственных ног, шаг за шагом двигающихся вперёд, и рассеянно скользил взглядом по сухой жёлтой траве у дороги.

Он всё время чувствовал: настроение какое-то не такое. Ло Цинчжу вышел с ним явно не потому, что ему нечего делать и захотелось просто прогуляться. Пока сердце его металось в тревоге и смятении, возле уха прозвучал голос Ло Цинчжу - мягкий, но уверенный.

Сун Цинфэн резко поднял голову и прямо уставился на Ло Цинчжу. Лишь спустя долгое время он сказал:

— Я изначально и не собирался жениться.

Изначально не собирался? А теперь что? Передумал?

Ло Цинчжу сделал вид, будто не понял скрытого смысла в словах Сун Цинфэна, и с лёгкой улыбкой кивнул:

— Вот совпадение, я тоже не собираюсь снова выходить замуж.

Сун Цинфэн ещё долго смотрел на него, а в конце молча опустил голову и больше ничего не сказал. Только когда Ло Цинчжу развернулся и ушёл, он снова поднял голову и смотрел, как эта фигура уходит всё дальше и дальше, пока совсем не исчезла из виду. Лишь тогда он пошевелил ногами, повернулся и направился к своему двору.

В руке он нёс тяжёлые новогодние подарки, всего цзиней семь-восемь. Если бы их несла женщина или гэр, они наверняка показались бы тяжёлыми и утомили бы руку. Но Сун Цинфэн был мясником: он мог легко взвалить на плечи жирную свинью в триста цзиней, не говоря уже о корзине меньше десяти цзиней. И всё же сейчас Сун Цинфэн чувствовал, что эта корзина тяжела до невозможности, будто тянет его так, что даже ноги не могут шагнуть.

Жизнь уличного торговца - она и утомительна, и тянется медленно, а вот Новый год пролетел быстро. Глядишь - уже почти Праздник Фонарей, и снова пора собираться, выставлять лоток и зарабатывать деньги.

Но самым срочным сейчас было другое, ещё более важное дело: учёба Цинь Жунши!

— Эрлан, скорее иди примерь! Матушка сшила тебе новую сумку для книг, примерь!

Не стоит недооценивать мудрость древних: сумки на одно плечо, рюкзаки, сумки через плечо уже давно существовали. На этот раз Цуй Ланьфан сшила большую сумку через плечо, разделённую на два отделения, чтобы можно было класть книги, бумагу и кисти. Лямка была шириной с ладонь, и, если перекинуть её через плечо, она не будет врезаться. Сумку сшили из серо-зелёной ткани, очень плотной; стежки были частые и ровные, а на одном конце лямки ещё вышили две тонкие, стройные ветви бамбука.

Цуй Ланьфан была очень взволнована. Она надела сумку на шею Цинь Жунши, затем потянула его повернуться кругом и с улыбкой сказала:

— Красиво! Красиво!

Цинь Баньбань рядом тоже захлопала в ладоши и стала поддакивать:

— Красиво!

Цинь Жунши позволял матушке вертеть себя туда-сюда, и только когда голова у него уже закружилась, беспомощно сказал:

— Мама, ты пока не радуйся так. Я ведь ещё не поступил. При поступлении в академию Лумин проверяют знания. Я давно не читал книг, только эти несколько месяцев повторял, ещё неизвестно, смогу ли поступить.

Но Цуй Ланьфан была в нём очень уверена. Она погладила Цинь Жунши по волосам и с

улыбкой сказала:

— Ты всегда был умным. Мама в тебя верит.

Цинь Баньбань сжала кулачок и сказала:

— Второй брат, постарайся! Я тоже в тебя верю!

А ещё больше уверенности было у Лю Гуюя. Он читал оригинальный текст и, конечно, знал, что Цинь Жунши обладает всеми качествами отличника. Это был лишь первый шаг на пути государственных экзаменов, для Цинь Жунши он не представлял особой трудности, так что Лю Гуюй совершенно не беспокоился, что тот не сможет поступить в академию Лумин. Сейчас он как раз взвешивал серебро. Дома сохранились маленькие аптекарские весы, которыми пользовались ещё при отце Цине, когда взвешивали лекарства. Они были староваты, на чаше даже уже проступила ржавчина, но точность всё ещё была неплохая, и теперь ими как раз удобно было взвешивать серебро.

Учительское подношение в академии Лумин составляло два ляна серебра. Ему достаточно было отложить эти деньги, а на оставшиеся можно было ещё сходить в переулок Цзиньши и купить кисти, тушь, бумагу и тушечницу.

Взвесив серебро, Лю Гуюй одним движением сунул его в книжную сумку Цинь Жунши, осторожно положил во внутренний слой, а потом похлопал Цинь Жунши по плечу.

— Не нервничай, точно всё будет в порядке. Сегодня хорошенько отдохни, а завтра невестка пойдёт вместе с тобой!

http://bllate.org/book/17177/1709525